

КОЛД БИНА

KRISHH

Крис Ш.....

Колдобина

«Автор»

2026

Ш..... К.

Колдобина / К. Ш..... — «Автор», 2026

Жанр здесь — РЕФЛЕКСИЯ. Двое «странных» ребят, которые ничем не хуже нас самих, по дороге «на рыбалку» из-за «оплошности» напарываются на колдобину и переворачиваются. Им предстоит пешее путешествие вдоль ухабистой дороги, по ходу которого они обнаружат в себе и мире людском нечто... — Вам лучше самим дать этому определение! Во всяком случае, пути назад нет. Обычная на первый взгляд КОЛДОБИНА открывает путешествие к самим себе, к жизни. Главное — напороться на неё, почувствовать, и не в одиночку, а вместе. P.S. Каша из откровений, вопросов и мучительных скитаний на молоке. Зато с чей-то душой...

© Ш..... К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава, которой нет.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Крис Ш..... Колдобина

Глава, которой нет.

Я и не заметил, как наступило лето. Я в принципе тогда многого не замечал. Да и сейчас тоже.

Но лето в наших местностях было сродни осени — холодное, сырое, враждебное, но лето. И потому нет-нет, а на рыбалку самая пора. Хотя рыбак из меня...

Да я, если честно, ни на какую рыбалку отродясь не собирался — Веня меня доконал. Поехали, мол, научу! Ну я и согласился, — не столько даже из-за самой удилочки, сколько из-за драников его бабушки, к которой мы должны были заскочить. Драники. Представления не имею, что это за яство, но как он мне его описывал, как описывал! Хотя название, признаться, настораживает.

Я посмотрел в окно. Двор серой клеткой. Дома из кубиков. Плачущие какой-то ржавчиной рамы. А внизу мешанина из машин, крышечек, облупленных лавочек, «детской площадки» и остатков когда-то роскошного асфальта. Никакое лето не скрасит этот пейзаж. Он живёт вне всяких времён года. Это само по себе время года или столетия. Мне так кажется.

А ещё мне кажется, что встали мы слишком рано. Никаких копошений внизу нет. А наверху что? Блёклое небо всё поглотило, но, кажется, дождя не предвидится. Будет прохладно. Не самый лучший день для рыбалки. Но был ли хоть когда-то этот лучший день? Не припоминаю.

В прихожей раздался дряхлый, жалобный звоночек «вертушки». Я вяло подошёл к телефону, взял трубку.

— Ну ты чо там, — треснул мне в ухо Венин голос, — встал?

— Это да, — занудно начал я, — но день сегодня не тот. Может, завтра?

— Какой завтра?! — удивлённо и настойчиво затрещал он. — Я уже «буханку» испек. Еле как с родоками договорился, спектакль устроил, а ты мне «может, завтра?» Может — не может, а сёдня! Давай там живее, я у своей пекарни жду.

И бросил трубку. Ну ладно. Коли «испёк», то делать нечего. Да и что по существу делать? Ну вот я встал рано, лечь спать — не засну уже. Лежать да в потолок плевать? Выбора нет. Тем более драники эти мне всю голову подрали. Что ж это такое?

Я сонно облачился в какую-то одежду, какую имел, проверил, всё ли выключено из розеток, и двинулся к выходу. Краем глаза я зацепил зеркало и взглянул на себя.

Бледный, щуплый, носатый, сутулый, вечно чем-то недовольный, скорченный снаружи и внутри. Усишки там какие-то. В общем, мох. Лучше бы не смотрел...

«Это я? — спросил я у него, стоя в тёмной и чахлой прихожей. — Почему я такой? Такой... *мишивый*? Чего у меня нет? Хата есть, жратва есть, одежда есть... Всё вроде присутствует. Ничего больше не надо... — Я иступлённо впялился прямо в затемнённые глаза. Мне стало немного страшно. — *Не надо? НЕ НАДО? ТОЧНО?* — Тут я увидел его выпученные глаза и по-животному отскочил назад. — Наверное что-то да надо. Не надо было бы, так я б этой дурью не маялся. *Но что?*» — мучительно протянул я. Ну ладно. Пора было идти.

Вышел я из квартиры, провернул ключом в замке, раз десять проверил, вроде бы убедился и пошёл. Путь до его «пекарни» был недолгий: несколько дворов миновать.

Пока я к нему шёл, задумался. А, наверное, правильно, что встали мы рано. Все ещё спят. Это хорошо. Никого и ничего лишнего нет. Потому что прав водительских у нас тоже нет. Но,

по словам Вени, водить он умеет. Вроде. По крайней мере, за рулём будет он. К тому же, ему уже восемнадцать есть, а мне пока нет. Всё, получается, в его руках. И жизнь моя тоже...

Я шёл, глядя лишь под ноги. Почему? А знал бы сам... Может, в ногах вся сила? Ведь если бы не они, то человек не повидал бы этот мир, не смог бы ощутить его рельеф, не описал бы его причуды, да и не нашёл бы другого человека, а лишь торчал бы только на своей лужайке, как пень. Не открыл бы Колумб Новый Свет и не попробовал бы я драников. Хотя даже те, у кого есть ноги, этими ногами добровольно отказываются пользоваться.

И пока я размышлял над такими вопросами сродни «курица или яйцо?», услышал где-то сзади знакомый голос.

— Ты куда? — окликал меня Веня.

Я обернулся. «Пекарня», то есть гараж его, был метров на двадцать позади меня. «Но если бы человек пользовался своими ногами, глядя только на них, то также много чего упустил бы», — подумал я.

Я вернулся к незамеченному гаражу.

— А что ты сразу меня не позвал? — спросил я у Вени. — Решил глянуть как далеко уйду?

— Далеко бы ты не ушёл. Рано или поздно, но обо мне вспомнил. Я решил, что рано.

— Ну ладно, — говорю. — Где твоя «буханка»-то?

— Сейчас выгоню, — говорит. — Ты давай тогда ворота открывай.

Открыли ворота, он выгнал буханку. Признаться, мне всегда хотелось заглянуть в её салон. Это ведь целый дом на колёсах! Там сидений много, а главное — столик... Жил бы там, если б права имелись.

— Можно я салон гляну?

— Да гляди.

И пока он закрывал гараж, я заглянул в салон. Мои ожидания переправдались. Здесь был столик, сиденье, и даже лежанка! Да на такой хоть весь мир объездить! Не то что мир — Луну, Марс, Венеру и Юпитер!

— Ты чо там как в музее?, — отрезвил меня Веня. — Давай вперёд, а то времени мало.

Мы сели. Я, кстати, ничего не сказал про Веню. Неуважительно было бы оставлять его обесформленным. Венедикт — имя интересное, но «Веня» куда многограннее. Да и удобнее. Сам он был не тонок и не толст, курчав, с каре, нос картошкой, борода. Оделся он в зелёный камуфляж, из-под куртки чёрная майка. В общем, туя. И зимой и летом единой душой и одним цветом. Познакомились мы с ним в технаре, в котором до сих пор числимся последний месяц. Он здесь до этого не жил, вроде, а переехал с семьёй, «чтобы учиться». Но это предлог такой, — сам он мне настоящую причину не называл ещё. По существу у меня кроме Вени никого нет и не было. До этого я просто гнил под камнем на дне моря. Но он этот камень нашёл и откопал меня. Хотя, может, и не хотел. Теперь мы гниём вместе. Точнее я гнию, а он рядом. Спасибо ему, что нашёл.

Так вот, сели мы. Он завёл буханку. Она вся затряслась.

— Куда путь-то держим? — рассеяно спросил я у него.

— Как куда? — с недоумением начал он. — К бабушке заскочим, снасти все возьмём, а там глянем.

— Что глянем?

— Рыбу.

— А драники? — спросил я.

— А драники я тебе и щас дать могу, — ответил ехидно Веня и подмигнул.

— Ты мне лучше скажи, как и куда мы поедим-то? Это как далеко отсюда?

— Да рядом в общем. Так как прав у нас нет, да и глядя на твою гангстерскую физиономию... — Он приостановился, пристально посмотрел на меня.

— Ты чо это?

— А нахмурь брови и прижми губу.

Нахмурился я и до его просьбы, но губу прижал.

— О! О! Шляпы этакой только не хватает. «Долговязый ДжоНос».

— Шляпа шляпой, но как бы я там не выглядел, а гангстер скорее ты.

— Это точно, — одобрительно кивнул он. — Так, ладно. Пора трогать, а то времени мало, а буханка черствеет.

И мы тронулись. Я сразу пристегнулся. Веня посмотрел на меня, посмотрел и тоже пристегнулся. Кое как мы выбрались со двора по дрова и поехали в направлении выезда.

— Так вот, — начал он разъяснять, — поедem по грунтовке. Иначе спалят. Ехать, конечно, дольше, но спокойнее. Мне там даже больше нравится. Виды там умиротворяющие. Как-то даже слезу там пролил.

— А что там за виды? — неподдельно поинтересовал я. Надо понимать, что виды в наших окрестностях были не самые видные. По крайней мере, мне так казалось. Пустырь и трава. Холодная трава. Колючая трава. На такой не понежишься.

— Тебе самому лучше посмотреть. Это не передать словами. Только почувствовать можно. — Тут он, не отрываясь от руля, оглянул меня, обернулся назад и спросил. — А ты, кстати, чо на легке-то?

Тут я опешил. Только сейчас до меня дошло, что я не взял с собой рюкзак с харчами. Я чуть было не заплакал от обиды на сам не знаю кого.

— Возвращайся обратно, — иступлённо потребовал я.

— Какой обратно? Тут щас поворот будет на грунтовку, — Веня стал меня увещевать. — Да не бесись ты. Я кое-что с собой прихватил, нам хватит. Тем более к бабушке привалим. Не на остров Пасхи едем...

Но я уже не слушал его. Я скорчил лицо и закрыл глаза ладонью. И стал проваливаться. «Дурак, дурак, дурак! Ну как так! Целый вечер маялся, собирал, проверял раз десять. Фильм мог глянуть — не глянул. И на тебе!» Рот мой схватили судороги. Скорее «Танцующий Рот-берт». «А нечего было в зеркало глядеть! — с какой-то ненавистью злопамятного дитяти буркнул я. — Это оно виновато... — Молчание. — Зеркало виновато, значит? А кто в зеркале?...» И тут я выкарабкался.

К этому моменту мы уже выехали на грунтовку. Открылись виды. Действительно открылись. Грунтовка, твёрдая и разбитая, а вокруг одна трава, которая хочет тебя заколоть. Ничего нового.

— Да, — вспомнил я про Веню, — действительно словами не описать. Описывать нечего.

— Всем так сначала кажется. Словами описать можно многое, но *это* нужно *почувствовать*. Вот я тебе сейчас так могу рассказать про фильм какой-нибудь, так рассказать! И ты загорись желанием его глянуть. А потом посмотришь, и тебе не понравится. Зависит от вкуса. Но иногда ни от чего не зависит. Иногда ты просто не чувствуешь нечто важное, существенное, а оно есть. Или просто не хочешь. Или не туда смотришь. Или не то чувствуешь... Понимаешь?

— Не умеешь ты толком объяснить. Ничо я не понимаю.

— Вот видишь. Словами не описать.

— Так сколько нам до бабушки ехать?

— Не измерял. Немного.

— Ну ладно.

Дальше мы какое-то время ехали молча. «Вот что здесь такого в этой капустно-бурой траве? Здесь нет ничего и никого, кроме нас дураков и этих кочек. Я честно не нахожу здесь ничего. Каких только мест нету в мире, каких ландшафтов и их генераций! А тут это. Ничего не чувствую...»

Я заметил, что становилось прохладно. Да и турбулентность повышалась. Кочек и ямок становилось всё больше, буханка проваливалась и подпрыгивала, Веня туда-сюдасил руль.

— А у тебя по музыки чо-нибудь есть? — спросил я, так как становилось тошно от всей этой враждебности, да и от себя тоже.

— Глянь в бардачке, у отца там должно что-то быть.

Я заглянул. Там действительно был бардачок, из которого я выхватил первый попавшийся диск. Меня привлекло его название, значение которого я трактовал и так и сяк, но без толку. Там было что-то про фрукт вроде.

Ну включил. И сразу затарахтела задорная такая мелодия. И так под неё весело стало подпрыгивать на кочках. И улыбка сама по себе на лице выскочила. И в животе бабочки запорхали. Потом полились слова. Что-то там про холмы было, — прямо в тему. Я в слова не вникал: для меня в первую очередь мелодия, особенно в «оттудовских» композициях, звучность голоса, а там и посыл. Я засмеялся, сам не зная от чего. Может, оттого, как Веня мотал этот руль под музыку с серьёзным таким видом, может оттого, что я ничего не понимаю, может потому что давно не смеялся.

— Ты чо разашёлся? — вылупил он глаза то на меня, то на дорогу. А мне ещё смешнее.

— Да кто меня, дурака, знает? Ты бы видел себя. — Он мелькнул в зеркало, губы типа «О», а я уже не я.

И его разнесло. Но руки намертво на руле. А буханку пекарь бросает, а мы в ней дрожим, вбухиваемся и отбухиваемся, и уже нет для нас ничего, кроме руля, бабочек и несообразности нас самих с нами самими.

И тут я глянул вперёд. Там, рукой дотянешься, огромная такая, невообразимая...

— КОЛДОБИНА! — заорал я. — Выруливай, выруливай!

Веня бешено вывернул руль, но было уже поздно. Допрыгались. И, как мне почувствовалось в последнюю секунду, почти что под самый конец песни..

Этого не опишешь.

~ Яяяяяяяяяяярииииииииииииииииииииик!

~ Яяяяяяяяяяярииииииииииииииииик!

[illegible]

Меня трясло. Мне было... помехами на телевизоре. Такая рябь серая, шипучая, склизкая. Пиликает что-то. Плакать вроде хочется, но не плачется. Никто меня не убивал, наверное, чтобы плакать. Да и не по этому плакать надо. Ощущения, ощущения... А чувства? Будто я кожаный манекен, набитый грубыми опилками. Уходит, уходит... Не надо, пожалуйста. Ведь так рядом было... Опять.

Меня тряс Веня. Лицо его было, как ни странно, невредимое да и не напуганное, оно настроилось по умолчанию. Лишь брови чуть раздвинулись. Мы теперь находились на обочине. И тут я начал слышать.

— Ярик, ярик! — допытывался он до меня. — Ты как, в порядке?

И рот у меня заворочался.

— Да вроде...

Я взглянул в сторону дороги: буханка наша перевернулась на бок, но не более того.

— А как мы вообще тут оказались? — спросил я, пока ещё подключаясь извилинами.

— Я и сам не скажу точно, — растеряно ответил Веня. — Проснулось во мне что-то. Вытащил я тебя, наверное. А как — не помню.

— Спасибо, что не бросил. Я хоть на человека похож, а то ничего не чувствую? На мне кожа осталась?

— Всё осталось, — успокаивал он. — На человека ты по любому похож. Только на лбу царапина.

— А я уже думал: всё, пора костюм надевать и в наёмники подаваться.

— Рано ещё, наверное. Поживёшь пока.

Мы замолчали. Потихоньку к нам стало приходить понимание. Понимание того, в какой ситуации мы оказались, и не только.

Веня посмотрел на буханку, встал и медленно пошёл к ней. Он начинал понимать, какие последствия его ожидают. Я тоже начинал понимать тот ужас, который нам предстоит пройти. Если мы только сможем...

— Кирдык мне, — сказал он, опустошённо приближаясь ко мне.

— Нам, — подметил я. — Где мы есть? Как далеко мы находимся? — Веня невидящи глядел вниз. Я, к сожалению, не мог проникнуться тем, что чувствовал он. — Веня.

Он медленно приподнял голову. Лицо никакое.

— Далеко...

— В смысле?

— Теперь далеко, а были близко.

— Ты вообще про что? — недоумевал я.

— А ты?

— Я спрашиваю, как далеко мы находимся от дома?

— Аааа, от ДОМА? — непривычно произнёс он. — Честно, не знаю.

— А до бабушки?

— Не скажу точно, но, кажется, что ближе. — Тут он очухался и оживился. — Короче, пошли вперёд.

Ну а что ещё остаётся? Мы находимся не пойми где, вокруг никого и ничего нет, при этом становится всё холоднее, а небо серое. Останемся на месте... Уж лучше вперёд. Может и не лучше, но по-другому... никак? Ай, ладно! Времени нет.

— Ну пошли, — согласился я.

И мы пошли. Просто взяли и пошли. Без ничего. Вот как есть. Во всей красе или беспощности. Только мы одни. Одни.

Сначала мы шли молча, каждый при себе. Пытались наверное объяснить самостоятельно, что произошло. Но ничего не укладывалось. Нет, ясно, конечно, что мы просто не заметили огромного провала, не остановились или повернули вовремя, поэтому перевернулись и вот бредём куда-то. Но «просто» на хлеб не намажешь. Был бы у нас ещё хлеб. Что мы хотели найти? Было бы в чём искать: дураки, яма, авария. Но что-то здесь было. Голова уже закипала, и я не выдержал.

— Эх, — отрешённо протянул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.